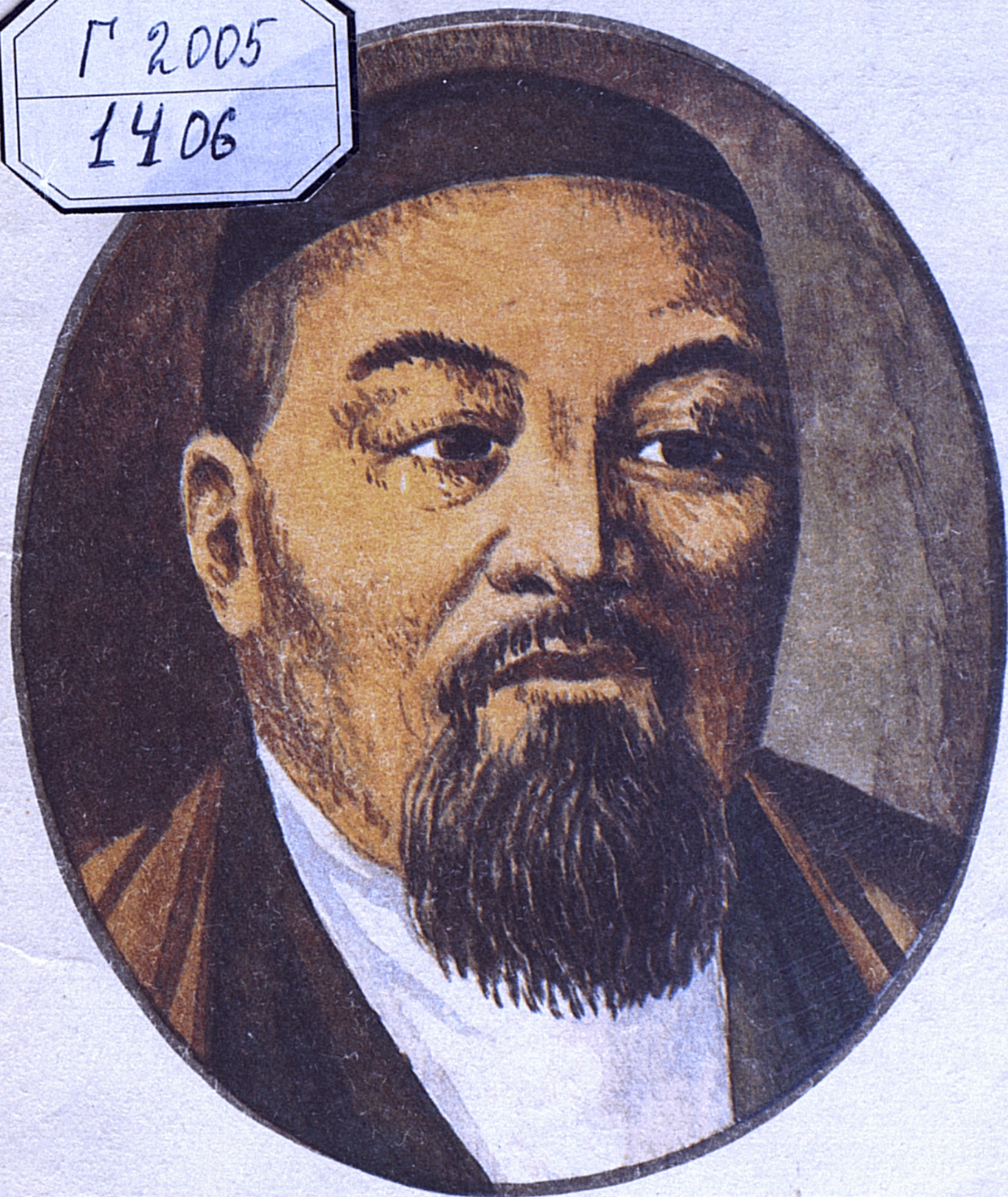

АБАЙ

Г 2005

1406

книга
слов

Библиотека
фонда
«Детям-жертвам
ядерных испытаний
и экологических
катастроф»

АБАЙ
книга слов

ШАКАРИМ
Запущу
Забьитого

АЛМА-АТА
«ЕЛ»
1993

ББК 84 Каз
А 13

А 4702250101—045
—402(05)—92— без объявл. 92

ББК 84 Қа

ISBN 5-7667-0426-7

© Переводы на русский язык
К. Серикбаев
Р. Сейсенбаев

«...узнаем, что делать,
когда будет стыдно.»

ОЛЖАС

«Все еще пустыня...»

ОТЗЫВЧИВОЕ СЕРДЦЕ

«Абай — зрячее око, Абай — отзывчивое сердце, Абай — мудрость народа», — так, до предела сжато и емко высказался создатель эпического повествования «Путь Абая».

В правоте и точности ауэзовской формулы мне довелось заново убедиться, перейдя от стихов Абая к его удивительной книге прозы — «Книге **Слов**».

Это именно Книга — в том высоком и единственном, священном и одухотворенном значении, которое издревле — на Востоке и на Западе — придавалось письменной речи. Это именно Книга — сплав мысли и чувства, перекличка разума с сердцем, средоточие житейско-практического, историко-социального, философско-религиозного, морально-психологического опыта большой и нелегкой жизни великого человека — поэта, пророка, мыслителя, воспитателя народа.

Это Книга Слов — именно Слов, истинно живых и единственно необходимых, полных силы и смысла, наделенных дыханием времени и пространства, будничных и вечных, тех, о которых Николай Гумилев говорил в своем знаменитом стихотворении: «осиянно только слово среди земных тревог.»

Здесь — многолетние раздумья Абая, его поиски и обретения, его тревоги и скорби, высота помыслов и радость откровений, творческий порыв и горькое подведение итогов, сострадание и гнев...

Абай верит в Бога — он видит в Аллахе первопричину и творца всего существующего, убежден в бесконечной мудрости и доброте божественного начала. Его вера — вера творческой личности — светла и гуманна, деятельна и нравственно цельна.

Абай верит в сотворенного Богом человека — в его высокое предназначение и способность постичь законы этого мира. Разум человека, утверждает он, может стать мерилom истины, а сам человек — обрести счастье в сочетании разума и труда.

«Книга Слов» создана Абаем на склоне лет. Он знает цену всему — делам и дням, искушениям и соблазнам. Все проходит, остается мудрость — непритязательная и скромная, даже стыдящаяся этого названия, но ясная и откровенная, и потому особенно убедительная. Именно она и составляет суть и сердцевину) ' «Книги Слов».

Возникла эта книга на самом пороге XX века. Без малого сотня лет отделяет нас от времени ее появления. Что можем **мы**, люди, подошедшие к концу этого невероятного столетия, почерпнуть из давно прозвучавших откровений казахского мудреца и поэта?

Оказывается, гораздо больше, нежели из тех или других современных трудов. Достоевский как-то высказался о том, что «Илиада» Гомера **может** оказаться полезнее иных свеженаписанных сочинений «не только прежде, а даже теперь, при современных вопросах, полезнее, как способ достижения известных целей этих же самых вопросов, разрешения настоящих задач...»

Так и классическая «Книга Слов» помогает нам многое осмыслить из того, что с нами происходит сегодня.

Нас лишает покоя угроза экологической и ядерной катастроф, распад нравственных и духовных устоев. Но ведь это лишь следствия. А о причинах, порождающих катастрофические результаты, задолго до всего ныне совершающегося, писал Абай в «Книге Слов», когда с тревогой и болью исследовал трусость и безволие, праздность и леность, лживость и невежество современников. Из этих пороков человеческой природы, укрепившихся и разросшихся, и вызревают, предупреждал Абай, еще неведомые миру трагедии и катастрофы.

Бедствием нашего общества стали межнациональные распри и взаимные счеты, предъявляемые друг другу от имени целых народов. Абай, изначально любя свой народ, всю жизнь отыскивая тропу к его сердцу, призывал отказаться от племенной заносчивости и кичливости, смотреть на другие народы, как на братьев, учиться у них всему доброму и полезному. Такой призыв мог бы показаться банальным и абстрактным назиданием, если бы поэт не сочетал его с гневной и остро-насмешливой критикой в адрес сородичей, негодующим бичеванием наблюдаемых столь близко моральных изъянов и пороков.

Нет плохих народов и нет народов безнравственных. Но ничто так не укрепляет духовную силу народа, как открытая и смелая национальная самокритика. Она — свидетельство внутреннего здоровья нации, ее способности совершенствоваться, преодолевать общие беды и излечивать собственные болезни.

И в этом смысле «Книга Слов» — урок и призыв к размышлению для многих современных борцов за «национальную идею» — любого происхождения. «Книга» противостоит сегодняшним попыткам национальной самоизоляции, самовоспеванию и невежественному зазнайству, попыткам некоторых идеологов высокомерно оттолкнуть свои народы от всего богатства общечеловеческой культуры.

«Книга Слов» продиктована Абаю его любовью — прежде всего любовью к родной земле и ее людям, заботой об **их жизни** и судьбе, об их настоящем и о неведомом еще, но тревожном и угрожающем завтрашнем дне. В пронзительной, зоркой и трагически чуткой книге эта забота, охватившая измученное сердце великого человека, выражена с покоряющей силой, и голос автора встревоженно зовет, будит и предостерегает современников.

Что может особенно поразить и привлечь сегодняшнего читателя «Книги Слов»? Думается, прежде всего естественная внутренняя свобода автора, самостоятельность и независимость его суждений и чувств, полная неозабоченность Абая какими-либо привходящими (или как теперь сказали бы, конъюнктурными) соображениями, вольный строй его духовного мира, размах и широта творческого сознания явленного в Слове и полностью

гармонирующего с необозримостью и свободой казахского степного простора.

По-прежнему суверенность духа дефицитна и в наши дни. Но начавшийся у нас долгий и многотрудный процесс восстановления духовной свободы обнадеживающе подкрепляется такими творениями, как «Книга Слов».

Рука непревзойденного мастера ощущается в каждой строке, в каждом из сорока пяти «Слов», вошедших в книгу. Филигранная отточенность каждого периода и фразы, их ритмико-музыкальная организованность, стилистическое единство и целостность, естественность и благородная простота — характерные черты «Книги Слов». Это — философия, согретая кровью авторского сердца. Это — этика, наполненная глубоко личной страстью, живой любовью и справедливым негодованием.

И, конечно, новый перевод этой книги на русский язык много потребовал от тех, кто взялся за столь ответственное дело. Переводчикам повезло — они обладают двумя родными языками — казахским и русским, как многие современные казахские интеллигенты. Но этого мало. Книга Абая переведена ими с любовью, с тщательностью, с предельным вниманием к целому и к деталям, поистине на одном дыхании. И на одном дыхании прочитывается русский перевод. Он действительно художественный, что очень и очень непросто при воссоздании высокой философской прозы — одного из лучших творений казахской литературы.

Михаил КУРГАНЦЕВ

АБАИ

книга
слов

Слово первое

Хорошо я жил или плохо, а пройдено немало в борьбе и ссорах, судах и спорах, страданиях и тревогах дошел до преклонных лет, выбившись из сил, пресытившись всем, обнаружил бренность и бесплодность своих деяний, убедился в унизительности своего бытия. Чем теперь заняться, как прожить оставшуюся жизнь? Озадачивает то, что не нахожу ответа на свой вопрос.

Править народом? Нет, народ неуправляем. Пусть этот груз взвалит на себя тот, кто пожелает обрести неисцелимый недуг, или пылкий юноша с неостывшим сердцем. А меня сохрани Аллах от непосильного бремени.

Умножать ли стада? Нет, не стоит заниматься этим. Пусть дети растят скот, коль им надобно. Не стану омрачать остатки дней своих, ухаживая за скотом на радость проходимцам, ворами и попрошайкам.

Заняться наукой? Как постичь науку, когда не с кем словом умным перемолвиться? Кому передать накопленные знания, у кого спросить то, чего не знаешь? Какая польза от того, что будешь сидеть в безлюдной степи, разложив холсты, с аршином в руке? Знания оборачиваются горечью, приносящей преждевременную старость, когда нет рядом человека с кем можно поделиться радостью и печалью.

А может, посвятить себя богослужению? Боюсь, не получится. Это занятие требует полного покоя и умиротворения. Ни в душе, ни в жизни не ведаю покоя, уж какое благочестие среди этих людей, в этом краю!

Воспитывать детей? И это мне не под силу. Воспитывал бы, да не ведаю, как и чему учить? Какому делу, с какой целью учить, для какого народа воспитывать их? Как наставить, куда направить, когда сам не вижу, где бы дети могли приложить свои знания? И здесь не нашел я себе применения.

Наконец решил: бумага и чернила станут отныне моим утешением, буду записывать свои мысли. Если кто найдет в них нужное для себя слово, пусть перепишет или запомнит. Окажутся не нужными мои слова людям — останутся при мне.

И нет у меня теперь иных забот.

Слово второе

В детстве мне приходилось слышать, как казахи смеялись над узбеками: «Ах вы, сарты широкополые, камыш издалека носите, чтобы крыши покрыть, при встрече лебезите, а за спиной друг друга браните, каждого куста пугаетесь, трещите без умолку, за что и прозвали-то вас сарт-сурт»¹.

При встрече с ногаями² тоже смеялись и ругали их: «Ногай верблюда боится, верхом на коне устает, пешком идет — и беглые, и солдаты, и торговцы из ногаев. Не ногаем, а нокаем³ бы следовало вас называть».

¹ С а р т - с у р т — треск, трещотка

² Ногаями казахи называли татар

³ Н о к а й — бестолковый, тупой

«Рыжеголовый урус, этому стоит завидеть аул, как скачет к нему сломя голову, позволяет себе все, что на ум взбредет, требует «узун-кулака»¹ показать, верит всему, что ни скажут»,— говорили они о русских.

«Бог мой!— думал я тогда с гордостью.— Оказывается, не найти на свете народа достойнее и благороднее казаха!» Радовали и веселили меня эти разговоры.

Теперь вижу — нет такого растения, которое бы не вырастил сарт, нет такого края, где бы не побывал торговец-сарт, нет такой вещи, которую бы он не смастерил. Живут миряне в ладу, вражды не ищут. Пока не было русских купцов, сарты доставляли казахам одежду для живых и саван для умерших, купали гуртами скот, который отец с сыном между собой поделить не могли. Теперь, при русских, сарты раньше других переняли новшества. И знатные баи, и грамотные муллы, и мастерство, и роскошь, и учтивость — все есть у сартов.

Смотрю на ногаев, они могут быть хорошими солдатами, стойко переносят нужду, смиренно встречают смерть, берегут школы, чтут религию, умеют трудиться и наживать богатства, наряжаться и веселиться.

Мы же, казахи, батрачим на их баев за жалкое пропитание. Нашего бая они гонят из своего дома: «Эй, казах, не для того наслан пол, чтобы ты его грязными сапогами топтал».

Сила их в том, что неустанно учатся они ремеслу, трудятся, а не проводят время в унижительных раздорах между собой.

¹ У з у н - к у л а к — длинное ухо, т. е. быстрое распространение слухов

О просвещенных и знатных русских и речи нет.
Нам не сравняться с их прислугой.

Куда сгинули наши былые восторги?
Где наш радостный смех?

Слово третье

В чем кроется причина разрозненности казахов, их неприязни и недоброжелательности друг к другу? Отчего слова их неискренни, а сами они ленивы и одержимы властолюбием?

Мудрые мира давно заметили: человек ленивый бывает, как правило, труслив и безволен, глуп и невежествен, невежда не имеет понятия о чести, а бесчестный побирается у лентяя, ненасытен, необуздан, бездарен, не желает добра окружающим.

Пороки эти оттого, что люди озабочены **только** одним — как можно больше завести скота и стяжать тем самым почет у окружающих. Когда б они занялись земледелием, торговлей, стремились к науке и искусству, не произошло бы этого.

Родители, умножив свои стада, хлопочут о том, как бы стада у их детей стали еще тучнее, чтобы передать заботу о стадах пастухам, а самим вести праздную жизнь — досыта есть мясо, пить кумыс, наслаждаться красавицами да любоваться скакунами.

В конце концов их зимовья и пастбища становятся тесными, тогда они, употребив силу своего влияния или занимаемого положения, всеми доступными для них средствами выкупают, выманивают или отнимают уголья соседа. Этот, обобранный, притесняет другого соседа или вынужденно покидает родные места.

Могут ли эти люди желать друг другу добра? Чем больше бедноты, тем дешевле их труд. Чем

больше обездоленных, тем больше свободных зимовий. Он ждет моего разорения, я жду, когда он обнищает. Постепенно наша скрытая неприязнь друг к другу перерастает в открытую, непримиримую вражду, мы злобствуем, судимся, делимся на партии, подкупаем влиятельных сторонников, чтобы иметь преимущество перед противниками, деремся за чины.

Потерпевший не будет трудиться, добиваясь достатка иным способом, ни торговля, ни землепашество не интересуют его, он будет примыкать то к одной, то к другой партии, продавая себя, прозябая в нищете и бесчестии.

Воровство в степи не прекращается. Будь в народе единство, не стали бы люди мирволить вору, который, ловко пользуясь поддержкой той или иной группировки, только усиливает свой разбой.

Над честными сынами степи чинятся уголовные дела по ложным доносам, проводятся унижительные дознания, загодя находятся свидетели, готовые подтвердить то, чего не видели и не слышали. И все ради того, чтобы опорочить честного человека, не допустить его к выборам на высокие должности. Если гонимому ради своего спасения приходится обращаться за помощью к тем же негодяям, он поступает своей честью, если он не идет к ним на поклон — значит быть ему несправедливо судимому, терпеть лишения и невзгоды, не находя в жизни достойного места и дела.

Достигнув власти хитростью и обманом, волостные не замечают тихих и скромных, а стараются наладить отношения с людьми, подобными себе — увертливыми и ухватистыми, рассчитывая на их поддержку а пуще всего опасаясь их вражды.

Сейчас в обиходе новая пословица: «Не суть дела, суть личности важна». Значит, добиться намеченного

можно не правотою предпринятого дела, а ловкостью и хитроумием исполнителя его.

Волостные избираются сроком на три года. Первый год их правления проходит в выслушивании обид и упреков: «Не мы ли тебя выдвигали?» Второй год уходит на борьбу с будущими соперниками. И третий — в предвыборных хлопотах, чтобы снова быть избранным. Что остается?

Наблюдая, как народ чем дальше, тем больше погрязает в распрях, я пришел к выводу: в волостные нужно избирать людей, которые получили пусть не-большое, но русское образование. Если таковых нет или есть, но их не хотят выдвигать, пусть волостные назначаются уездным начальством и военным губернатором. Это было бы полезно во многих отношениях. Во-первых, тщеславные казахи стали бы отдавать детей на обучение; во-вторых, волостные не зависели бы от прихоти местной знати, а подчинялись бы только высшему начальству. Дабы не плодить неизбежные доносы и кляузы и не давать им ходу, следовало бы оградить назначаемого от всяческих проверок и испытаний.

Мы имели возможность убедиться в бесполезности выборов биев-судей в каждой волости. Не всякому под силу вершить правосудие. Чтобы держать совет, как говорится, на «вершине Культобе», необходимо знать своды законов, доставшихся нам от предков, — «светлый путь» Касым-хана, «ветхий путь» Есим-хана, «семь канонов» Аз Тауке-хана. Но и они устарели со временем, требуют изменений и непогрешимых вершителей, коих в народе мало, а то и вовсе нет.

Люди, хорошо знающие казахов, говорили: «Если биев двое, то споров четыре». Отсутствие верховного судьи и четное число биев только усложняет решение споров. Зачем наращивать количество биев? Не лучше ли выбрать из каждой волости по три

образованных и толковых человека, не определяя срока их пребывания на посту, и смещать только тех, кто обнаружит себя в неблаговидных делах.

Пусть бы споры решались двумя судьями и посредником, выбранным истцами. И только не сыскав истины у этих людей, не придя к мировой, спорящие обращались бы к одному из трех постоянных судей. Тогда бы суды не затягивались.

Слово четвертое

Люди внимательные давно заметили — глупый смех равносителен опьянению. Опьянение ведет к проступкам, разговор с хмельным причиняет головную боль. Предаваясь пустому смеху, человек теряет совесть, отстраняется от дел, совершает непростительные шибки, за что ожидает его возмезде, если не на этом, так на том свете.

Человек, склонный к размышлениям, всегда вдумчив, собран, будь то в делах мирских или перед судом смерти. Собранность в делах • и мыслях — основа благополучия. Значит ли это, что мы должны постоянно предаваться унынию? Разве может душа лишь печалиться, не зная веселья и смеха? Нет, я вовсе не за то, чтобы мы только и знали что горевать беспричинно. Но стоит задуматься о своей беспечности, опечалиться этим и постараться избавиться от беспечности, заняв себя полезным делом. Не пустое веселье, а полезный и разумный труд исцелит душу.

Только слабые духом могут затвориться в себе, предаваясь горьким раздумьям, не находя утешения.

Если смеешься над глупостью человека дурного, смейся, не радуясь чужой глупости, а гневно. Такому смеху не будешь предаваться часто. Смех с досады — горький смех.

Смейся восторженно, искренне радуясь, когда видишь человека, обретшего благо, свершившего дела добрые, достойные подражания. Хороший пример учит сдержанности, вовремя остановит, не допустит опьянения.

Не всякий смех заслуживает одобрения. Существует же среди прочего смеха такой, что не идет из груди — Богом данным путем, а рядится да пустым звоном рассыпается, единственно ради того, чтобы прожурчать красиво.

Человек рождается на свет с плачем и уходит :корбя. В промежутке между этими двумя событиями, ак и не изведав истинного счастья, не распознав ю конца ценности и неповторимости дарованной ему жизни, он бездумно проживает ее в унижительных сорах и недостойных спорах. Спыхватывается, когда жизнь уже на исходе. И только тогда начинает по-имать, что ни за какие сокровища мира невозможно родлить ее хотя бы на один день.

Жить хитростью, обманом, попрошайничеством — дел бездарных проходимцев. Веруй в Бога, надейся на свое умение и силы. На честный и самоотвер-сенный труд даже твердь земная ответит всходами.

Слово пятое

Печаль омрачает нам душу, леденит тело, сковывает волю и, наконец, изливается словами из уст или слезами из глаз. Я видел, как люди молились: «О, Аллах, сделай нас беспечными, как младенцев». Мнят себя страдальцами, обремененными тяжкими заботами и несчастьями, будто они разумнее детей. О заботах же их можно судить по пословицам: «Если жить осталось до полудня, делай запасы на день», «Нищему и отец становится чужим», «Скот для ка-

заха — плоть от плоти его», «У богатого лик светел, а у бедного — все равно, что точило», «Джигит и волк добудут пищу в пути», «Стада почитаемых мужей находятся в людях, заботятся они о своем добре от безделия», «Рука, умеющая брать, умеет и давать», «Кто сумел нажиться, тот и прав», «Приносящий дары срывает завесу отчуждения», «Если на бая надежда плоха, то и на Бога не надейся», «Если голоден, скачи к дому, где поминки», «Берегись озера с глубокими берегами, да народа немилосердного». Подобных пословиц множество.

О чем они говорят? Не о науке и знаниях, не о мире и справедливости радеет казах, ему бы разбогатеть, да не знает — как? Вот и ловчит, хитрит, чтоб хоть лестью выманить богатств у других, не удасться — будет люто враждовать со всем светом. Отца родного не прочь обобрать и не сочтет это позором для себя. Не принято у людей осуждать тех, кто добывает себе скот обманом, подлостью, попрошайничеством, разбоем и другими ухищрениями...

Чем же отличается их ум от детского? Дети боятся раскаленного очага, взрослых не утратить и адовым огнем. Дети, стыдясь, готовы сквозь землю провалиться, а взрослые не ведают стыда. В этом их превосходство перед детьми? Не раздай мы им того, что имеем, не позволь мы им разорить себя, не опустишь мы до их уровня, они готовы отвернуться от нас.

И это народ, к которому мы тянемся душой?

Слово шестое

Одна из казахских пословиц гласит: «Начало успеха — единство, основа достатка — жизнь.».

Но у каких людей бывает **единство**, и как они добиваются согласия между собой — казахи не знают. Полагают, что это — общность скота, имущества, еды. Если так, то какой прок от богатства и какой вред от нищеты? Стоит ли трудиться ради богатства, не избавившись прежде от родственников? Нет, единство должно быть в умах, а не в общности добра. Объединить можно людей различных по происхождению, религии и духу, щедро раздаривая им скот. Добиваться единства ценой скота — вот начало нравственного падения. Братья должны жить в согласии не потому, что находятся в зависимости один от другого, а надеясь на свои умения и силу, уповая каждый на собственную судьбу. Иначе они и Бога забудут, и делом не займутся, а станут искать напасти друг на друга. Погрязнут во взаимных **обидах**, будут клеветать, хитрить и обманывать друг друга. Как тут добиться единства?

«**Ж и з н ь** — основа достатка». О какой жизни идет речь? О бытие ради того, чтобы душа тела не покинула? Но такое существование и собаке дано. Тот, кто дорожит такой жизнью, трепещет перед страхом смерти, становится врагом жизни небесной. Спасаясь, бежит от врага и слывет трусом, уклоняется от работы и слывет лодырем, превращается в противника истинного благополучия.

Нет, речь тут о другой жизни. О той, когда жива душа и ясен ум. Если ты жив, но душа твоя мертва, слова разума не достигнут твоего сознания, ты не сумеешь зарабатывать на жизнь честным трудом.

Бездельник, лживый зубоскал,
Нахлебник и нахал.
В душе холуй, на вид удал
Не ведает стыда.

Будучи таким, не сочти себя за живого. Праведная смерть предпочтительнее такой жизни.

Слово седьмое

Ребенок рождается на свет, наследуя два начала. Первое из них требует еды, питья и сна. Это — потребность плоти, без этого тело не может служить пристанищем для души, не будет расти и крепнуть. Другое — тяга к познаниям. Младенец тянется к ярким вещам, берет их в рот, пробует на вкус, прикладывает к щеке. Встрепенется, услышав звуки дудки или свирели. Подросши, бежит на лай собаки, на голоса животных, на смех и плач людей, теряет покой, спрашивая обо всем, что видят глаза и слышат уши: «Что это? Зачем это? Почему он так делает?» — это уже потребность души, желание все видеть, все слышать, всему учиться.

Не раскрыв для себя видимых и невидимых тайн вселенной, не объяснив всего себе, человеку не стать человеком. И бытие души такого человека тогда ничем не разнится от бытия иной твари.

Изначально Бог отличил человека от животного тем, что наделил его душой. Почему мы, повзрослев и поумнев, не ищем и не находим удовлетворения тому любопытству, что в детстве заставляло нас забывать о еде и сне? Почему мы не избираем путь тех, кто ищет знаний?

Нам бы неустанно ширить круг своих интересов, множить знания, которые питают наши души. Нам бы понять, что блага души несравненно выше телесных, и подчинить плотские потребности велению

души. Но нет, не стали мы делать этого. Кликушествуя и каркая, не продвинулись мы дальше навозной кучи у аула. Душа правила нами только в детстве. Повзрослев и окрепнув, мы не позволили ей повелевать собой, подчинили душу телу, на все окружающее смотрим глазами, но не разумом, не доверяемся порывам души. Довольствуясь внешним видом того, что охватывает взор, не пытаемся вникнуть во внутренние тайны, полагая, что ничего не теряем от этого незнания. На замечания и советы людей умных отвечаем: «Ты живи своим умом, а я своим проживу», «Чем быть богатым чужим умом, лучше быть бедным, да по-своему». Мы не способны оценить их превосходства над нами, не понимаем смысла сказанного ими.

Нет ни искры в груди, ни веры в душе. Чем отличаемся мы от животного, если **видим** только глазами? В детстве мы были лучше. Тогда мы были человеческими детьми — стремились узнать как можно больше. Сейчас мы хуже скота. Животное не знает ничего, но и не стремится ни к чему. Мы не знаем ничего, но готовы спорить до хрипоты: отстаивая свою темноту, стремимся свое невежество выдать за знания.

Слово восьмое

Станет ли кто прислушиваться к нашим советам или внимать наставлениям? Кто-то волостной, а кто-то бий. Имея намерения учиться уму-разуму, разве стали бы они избираться на такие должности? Эти люди считают себя достаточно умными и стремятся к власти, чтобы учить и воспитывать других, будто бы достигли полного совершенства, и единственное, что им осталось — это других наставлять. Им ли

слушать нас, да и захоти они слушать, найдется ли у них на это время? Головы их заняты заботами: как бы ненароком не провиниться перед начальством, не обозлить вора, не смутить народ, не остаться внакладе, а найти выгоду. Кому-то надо пособить, кого-то вызволить. Все недосуг...

Богачи? Те **ни** в чем нужды не знают. Пусть на день, но им дано богатство, им кажется, что они владеют сокровищами чуть ли не половины мира, а чего им не хватает, то купят за скот. Взоры их высоко, а помыслы еще выше. Честь, совесть, искренность для них не дороже скота. Был бы скот, уверены, можно подкупить самого Бога. Скот заменяет им все — родину, народ, религию, родных, знания. Где им прислушиваться к чужим советам? Прислушался бы да времени нет. Надо скотину напоить-накормить, выгодно продать, от вора и волка учеречь, от холода укрыть да найти человека, который бы занялся всем этим. Пока все уладит-утрясет, до похвальбы доведет. Недосуг и ему!

А вор-злодей да мошенник лукавый так или иначе никого слушать не станут.

Бедняки, что смиреннее овцы, озабочены своим пропитанием. Что им советы, знания, учения, когда все это не нужно богатым? «Не трогайте нас, беседуйте с теми, кто больше нашего понимает», — говорят они, будто, если беден, так и знания не нужны. Им ни до кого нет дела. Имея то, что имеют другие, они и горя бы никакого не знали.

Слово девятое

Я сам казах. Люблю я казахов или не люблю? Когда б любил, одобрил бы их нравы, нашел бы в их поведении какую-нибудь малость, что принесла бы мне радость или утешение, позволила бы довольствоваться не теми, так иными их качествами, и не померкла бы надежда моя. Но нет этого. Когда б не любил, не стал бы говорить с ними, делиться сокровенными мыслями, советоваться, **входить** в их круг, интересоваться их делами, спрашивая «что там делают, что происходит?», полеживал бы себе спокойно, нет,— так вовсе откочевал бы от них. Надежды такой, что они изменятся или я образумлю, исправлю их, тоже не питаю. Не испытываю ни одного из этих чувств. Как же так? Должен бы склониться к чему-то одному.

Я хоть и живу, живым себя не считаю. Не знаю, от досады ли на людей, от недовольства ли собой, а может, и по какой иной причине. Внешне жив, внутри все мертво. Сержусь, но не испытываю гнева. Смеюсь, но не могу радоваться. Слова, произносимые мной, и смех кажутся мне не моими. Все чужое.

В молодые годы и не помышлял о том, **что можно** оставить свой народ, любил казахов всей душой, верил в них. Когда же довелось узнать людей, когда постепенно угасла моя надежда, обнаружил: нет уже той силы, которая позволила бы покинуть родные края, породниться с чужими. Поэтому в груди у меня сейчас — пустота. А вообще думаю: может, оно и к лучшему? Умирая, не буду страдать: «Увы, не привелось изведать еще такой-то радости!..» Не терзаясь сожалениями о земном, утешусь надеждой на предстоящее.

Слово десятое

Люди молят Бога о ребенке. Зачем человеку ребенок? Говорит, надо наследника оставить, чтобы сын кормил родителей на старости лет, молился за них после их смерти. Только и всего?..

Что значит оставить наследника? Боишься, после смерти твое имущество окажется без хозяина? Тебе ли печалиться о вещах, которые останутся после тебя? Или тебе жаль оставить их людям? Какие сокровища ты нажил, чтобы жалеть о них?

Хороший ребенок — в радость, плохой — в тягость. Как знать, какого ребенка даст тебе Бог? Или тебе недостаточно унижений, которые ты вынес за свою жизнь? Или мало гнусностей сотворил ты своими руками? Почему тебе хочется еще породить ребенка, вырастить его таким же негодяем, обречь его на те же унижения?

Хочешь, чтобы сын молился за тебя после твоей смерти? Если в жизни ты делал людям добро, кто не помолится за упокой твоей души? Но если ты чинил только зло, что тебе молитвы сына? Разве он сделает за тебя те благодеяния, которых ты сам не совершил?

Если просишь ребенка для радостей потусторонней жизни, значит заведомо желаешь ему ранней смерти. Если просишь для радостей этой жизни, разве родится у казаха такой сын, который бы, возмужав, окружил родителей заботой, ограждал их от мук? Твоему ли народу, такому ли отцу, как ты, воспитать подобного сына?

Ты хочешь, чтобы он кормил тебя, когда ты одряхлеешь? И это пустое. Во-первых, доживешь ли ты до немощной старости? Во-вторых, вырастет ли твой сын настолько милосердным, чтобы заботиться о твоей старости? Кто не возьмет на себя заботы